

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 457–463
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 457–463
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-457-463>, EDN: AJMJBE

Научная статья
УДК 821.161.1.09-31+929[ГОРЬКИЙ+МУРАВЬЕВ+МАКЛАКОВ]

Образ адвоката позднеимперской России в отечественной художественной литературе (по материалам произведений Максима Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина»)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Author ID: 285433

Аннотация. В статье исследуются различные трактовки образа адвоката в художественных произведениях позднеимперской России. В качестве примеров художественной интерпретации при создании образа присяжного поверенного начала XX в. автор избрал произведения А. М. Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина». В ходе сравнительного анализа текстов этих художественных произведений, а также источников личного происхождения адвокатов Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова как вероятных прототипов горьковских литературных героев автор выявляет и сопоставляет характерные морально-психологические черты и особенности деятельности вымышленных персонажей и реальных представителей русской адвокатуры.

Ключевые слова: адвокат, художественный образ Максим Горький, Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Образ адвоката позднеимперской России в отечественной художественной литературе (по материалам произведений Максима Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 457–463. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-457-463>, EDN: AJMJBE
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of the lawyer of late Imperial Russia in Russian literature (based on the works of Maxim Gorky “Mother” and “The Life of Klim Samgin”)

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Author ID: 285433

Abstract. The article explores various interpretations of the image of a lawyer in the works of art of late Imperial Russia. As examples of artistic interpretation when creating the image of a sworn attorney at the beginning of the XX century, the author chose the works of A. M. Gorky “Mother” and “The Life of Klim Samgin”. In the course of a comparative analysis of the texts of these works of art, as well as sources of personal origin of lawyers N. K. Muravyov and V. A. Maklakov the author identifies and compares the characteristic moral and psychological features and features of the activities of fictional characters and real representatives of the Russian legal profession as possible prototypes of Gorky literary heroes.

Keywords: lawyer, artistic image, Maxim Gorky, N. K. Muravyev, V. A. Maklakov

For citation: Varfolomeev Yu. V. The image of the lawyer of late Imperial Russia in Russian literature (based on the works of Maxim Gorky “Mother” and “The Life of Klim Samgin”). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 457–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-457-463>, EDN: AJMJBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

С момента учреждения в Российской империи института присяжных поверенных роль и значение адвокатов на судебных процессах, особенно по делам о политических преступлениях, значительно возросли. Со второй поло-

вины 60-х гг. XIX в. в периодической печати, беллетристике и в социально-политическом дискурсе наблюдается всплеск внимания к фигуре защитника. Этот интерес постепенно трансформировался в создание художественных интер-

претаций представителя российской корпорации присяжных поверенных. При этом необходимо всегда иметь в виду проблему аутентичного и объективного отображения личности адвоката в художественном произведении. В свое время еще Аристотель заметил, что вымысел правдоподобнее действительности. При реконструкции исторических портретов исследователь, как правило, испытывает дефицит информации личностного характера, которая к тому же несет еще и отпечаток противоречивости человеческой натуры. Впервые в научной литературе по истории политических судебных процессов к образу адвоката в общественном восприятии, на страницах художественных произведений и в публицистике обратился Н. А. Троицкий в своем фундаментальном труде по истории адвокатуры и политических процессов поздней имперской России [1].

На протяжении нескольких столетий в России формировался институт частных поверенных («стряпчих», ходатаев), а параллельно с ним в сознании русских людей складывался, как правило, негативный образ адвоката. В пореформенной России в первые годы существования присяжной адвокатуры и примерно до конца 70-х гг. XIX в. по-прежнему доминировали нелестные характеристики адвокатского сословия. Научная задача Н. А. Троицкого осложнялась не только инновационным концептуальным и методологическим характером предпринятых исследований, но и преодолением сформировавшегося за долгие годы XVIII–XIX вв. во взглядах аристократии и в массовом сознании россиян стойкой антипатии к фигуре адвоката (в европейском понимании этого слова) и отечественного защитника-ходатая по судебным тяжбам.

В создании неприглядного образа адвоката заметный и весомый вклад внесли литераторы второй половины XIX столетия, публиковавшиеся на страницах ряда изданий. Рупорами этого направления, несомненно, являлись «Московские ведомости» и журнал В. П. Мещерского «Гражданин». Так, например, М. Н. Катков, рассматривая речи присяжных поверенных на политических процессах, обличал «трескучий дифирамб защиты» [цит. по: 1, с. 188], а князь Мещерский еще жестче припечатывал «гнусное сословие» адвокатов как «присяжное жулье» и «блудливый адвокатский язык» [цит. по: 1, с. 188]. В критике и карикатуризации образа новоявленных российских адвокатов отметился также и журнал «Отечественные записки», на страницах которого печатались и остротатирические очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина, и несколько статей и заметок Г. З. Елисеева, и анонимный фельетон «Перехваченные письма петербургского адвоката» [2, с. 8]. Следует отметить, что подобная репрезентация персоны русского адвоката была характерна и для многих других отечественных периодических изданий. В течение нескольких

лет усилиями публицистов разных направлений сформировался уничижительный новояз по отношению к присяжным поверенным. В народное сознание были запущены хлесткие прозвища адвокатов: «прелюбодеи мысли», «брехунцы», «прокаты», «двукаты», «рыцари наживы» и т. п. [1, с. 190]. Даже признанные классики русской литературы, такие как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Горький весьма критично, а порой и нелицеприятно отображали образ адвоката на страницах своих произведений.

В начале прошлого века в среде присяжной адвокатуры сформировалось новое направление, представители которого специализировались на политических защитах. Это неформальное общественно-правовое объединение получило название «Молодая адвокатура» и громко заявило о себе благодаря ярким выступлениям молодого поколения присяжных поверенных на политических судебных процессах. Таким образом, можно подытожить все вышесказанное и зафиксировать, что синергия (содружество) «Молодая адвокатура» – уникальное политико-правовое явление политической юстиции, отражавшее особенности формирования и деятельности внутрисловных объединений присяжной адвокатуры поздней имперской России.

Общественно-политическая значимость деятельности неформального объединения «Молодая адвокатура» подтверждается обширными связями политических защитников с известными писателями, в том числе с А. М. Горьким. В свою очередь, пристальный интерес родоначальника соцреализма вызвали громкие судебные процессы 1902 г. по делам сормовских (28–29 октября) и нижегородских (30–31 октября) демонстрантов, проходившие в Нижнем Новгороде. Совместная работа на процессе по оказанию помощи подсудимым рабочим сблизила писателя с получившими уже в то время широкую известность и популярность московскими младоадвокатами – В. А. Маклаковым, Н. К. Муравьевым, Н. В. Тесленко и П. Н. Малянтовичем. Особенно тесные отношения у Горького сложились с Муравьевым и Маклаковым. Под впечатлением нижегородских политических процессов Горький еще в 1903 г. сделал первые наброски будущего романа «Мать», в котором упоминались и представители «Молодой адвокатуры», защищавшие рабочих-демонстрантов на судебном процессе, однако написание этого произведения пришлось на период пребывания писателя в США. На страницах горьковского романа «младоадвокаты», пожалуй, впервые стали не только героями публикаций в периодической печати и общественном дискурсе, но и персонажами литературного произведения.

В октябре 1902 г. в Нижнем Новгороде один за другим состоялись два судебных разбирательства по делу нижегородских и сормовских де-

монстрантов. Следует подчеркнуть, что это были первые политические процессы, возобновившиеся в российском судопроизводстве через несколько лет после знаменитых судебных процессов 70–80-х гг. XIX в. После окончания предварительного следствия по этому делу 14 сормовских и 9 нижегородских демонстрантов были преданы суду на основании ч. 1 и 2 ст. 252 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных. Узнав об этом и желая помочь подсудимым рабочим, А. М. Горький заручился поддержкой своих опекунов со стороны опытного нижегородского присяжного поверенного Александра Ивановича Ланина, который считался одним из лучших ораторов в среде местной адвокатской корпорации. Писатель не просто очень хорошо знал этого защитника, но и относился к нему с глубоким уважением, подчеркивая, что «это высокообразованный и благороднейший человек, коему я обязан больше всех», а также признавался, что «влияние его на мое образование было неизмеримо огромно» [3, с. 95]. Горький не случайно посвятил Ланину первый том своих «Очерков и рассказов» 1898 г., сопроводив книгу надписью «Моему дорогому учителю А. И. Ланину от М. Горького, глубоко благодарного ему и любящему его» [3, с. 95]. Их знакомство состоялось задолго до описываемых событий. Начиная с 1889 по 1893 г. (с перерывами) работал письмоводителем в канцелярии присяжного поверенного Ланина [3, с. 95]. Александр Иванович был известен в Нижнем Новгороде не только как хороший юрист, но и как активный общественник. Так, например, он стал одним из учредителей первого в городе просветительного Общества грамотности, переименованного впоследствии в Общество распространения начального образования, был одним из инициаторов постройки в Нижнем Новгороде Народного дома, а также работал во многих благотворительных обществах [3, с. 95].

Одновременно с этим, понимая особую значимость и масштабность громкого политического дела и принимая во внимание грозившее подсудимым серьезное наказание, А. М. Горький обратился также с просьбой о защите рабочих-демонстрантов к московскому присяжному поверенному Н. К. Муравьеву, хорошо знакомому ему еще с 1891 г., когда последний отбывал ссылку в Нижнем Новгороде за участие в студенческих беспорядках. Весну и лето 1891 г. он прожил у своего троюродного брата С. В. Щербакова. Родственник Муравьева, закончив в 1884 г. физико-математический факультет Московского университета, приехал в Нижний Новгород и стал преподавать физику и математику в мужской и женской гимназиях. В 1895 г. по инициативе Щербакова впервые в России был издан «Русский астрономический календарь». Наряду с этим

он вел большую общественную работу: участвовал в ряде общественно-культурных начинаний, был одним из организаторов и активным участником, а в 1891–1906 гг. – председателем кружка любителей физики и астрономии, который стал городским центром распространения астрономических знаний среди широких масс населения. Деятельностью кружка как высококультурной просветительской организации заинтересовался Максим Горький, который вошел в его состав и с увлечением посещал его заседания. Знакомство Горького с Щербаковым произошло во второй половине 1890-х гг. и в дальнейшем переросло в большую дружбу [3, с. 169]. В семье Щербакова не раз бывал не только Горький, но и известный писатель, журналист и общественный деятель В. Г. Короленко. По свидетельству внучки адвоката Муравьева Т. А. Угримовой Короленко был крестным отцом одного из детей С. В. Щербакова (Личный архив Ю. В. Варфоломеева).

Накануне судебного процесса жена писателя Екатерина Павловна специально ездила из Нижнего Новгорода в Москву и встречалась с лидером московского кружка «Молодая адвокатура» Н. К. Муравьевым. Она передала ему просьбу Горького о том, чтобы он и его коллеги взяли на себя защиту рабочих-демонстрантов. Муравьев с пониманием отнесся к просьбе писателя и вместе с коллегами принял участие в обоих судебных процессах по делам участников Сормовской и Нижегородской демонстраций. Наряду с этим жена адвоката Е. И. Муравьева, являясь сотрудником нелегального Политического Красного Креста, «приняла горячее участие» в дальнейшей судьбе подсудимых рабочих [4, с. 236].

В научной литературе и в мемуарах деятелей революционного движения о процессах над демонстрантами существует определенный перекос. Усилиями социал-демократов растиражированы революционные речи подсудимых, обвинительные акты, комментарии партийных публицистов, в то время как о противостоянии на процессе сторон обвинения и защиты, а также о всесторонней помощи адвокатов своим подсудимым, как до, так и после суда, практически не упоминается. «К сожалению, – справедливо указывает Н. А. Троицкий, – данных о поведении защиты на этих процессах у нас немного» [1, с. 340]. В целом объективной информации (таковой, безусловно, нельзя считать конъюнктурно-политизированную информацию «Искры» и заграничных социал-демократических изданий) о процессе крайне мало. Поэтому восполнить отчасти этот пробел, особенно в плане представления общей картины суда над рабочими-демонстрантами и психологических портретов участников процесса, позволяют фрагменты из романа М. Горького «Мать». Писатель присутствовал на всех судебных заседаниях, а затем

в романе в художественной форме изложил авторский взгляд на это громкое общественно-политическое событие. Несмотря на то, что художественные зарисовки Горького небеспристрастны, а в некоторых случаях даже необъективны и классово предвзяты, тем не менее они дают нам хоть и субъективные, но внешне фотографичные портретные характеристики и в какой-то степени воссоздают атмосферу заседаний суда.

В нескольких строках, крупными мазками Горькому удалось запечатлеть всю панораму процесса: «Толстый судья зевал, прикрывая рот пухлой рукой, рыжеусый побледнел еще более, иногда он поднимал руку и, туго нажимая на кость виска пальцем, слепо смотрел в потолок жалобно расширенными глазами. Прокурор изредка черкал карандашом по бумаге и снова продолжал беззвучную беседу с предводителем дворянства, а тот, поглаживая седую бороду, выкатывал огромные красивые глаза и улыбался, важно сгибая шею. Городской голова сидел, закинув ногу на ногу, бесшумно барабанил пальцами по колену и сосредоточенно наблюдал за движениями пальцев. Только волостной старшина, утвердив живот на коленях и заботливо поддерживая его руками, сидел, наклонив голову и, казалось, один вслушивался в однообразное журчание голосов, да старичок, воткнувшийся в кресло, торчал в нем неподвижно, как флюгер в безветренный день. Продолжалось это долго, и снова оцепенение скуки ослепило людей» [5, с. 276].

Между тем особое внимание Горький уделил положительным персонажам – героям судебного процесса – подсудимым демонстрантам. Антиподами «героев»-демонстрантов представлены судьи и прокурор. Они выведены отрицательными, почти карикатурными персонажами процесса: «По одну сторону старичка (председательствующего А. Н. Попова. – Ю. В.) наполнял кресло своим телом толстый, пухлый судья, с маленькими, заплывшими глазами, по другую – сутулый, с рыжеватыми усами на бледном лице» [5, с. 277]. А вот председатель суда крупным планом: «Он спрашивал, не глядя на подсудимых, и голова его лежала на воротнике мундира неподвижно...», и через весь процесс звучала, как ее услышал Горький, «тусклая речь старшего судьи» [5, с. 277]. В то же время писатель вложил в слова Ниловны свое впечатление от Попова и его коллег: «...Казалось, что старший судья и все его товарищи не могут быть злыми, жестокими людьми» [5, с. 274], а это уже всеяло обвиняемым и всем, кто им сочувствовал, определенную надежду на благополучный исход дела.

Несмотря на то, что Горький сам пригласил лучших представителей московской «Молодой адвокатуры» для защиты демонстрантов, а с лидером адвокатской группы Н. К. Муравьевым даже был в очень хороших, можно сказать, приятельских отношениях, зная его более 10 лет,

Горький, как и его подопечные-рабочие, дистанцировался от своих защитников, несмотря на искреннее и бескорыстное желание последних помочь подопечным. «Все они сочувствовали обвиняемым, – пишет об адвокатах Н. А. Троицкий, – и старались их поддержать, но подсудимые здесь, как и годом ранее на обуховском процессе, не проявили заинтересованности в их поддержке» [1, с. 341]. Одно из немногих упоминаний писателя об адвокатах в романе, к сожалению, ничего не говорит об их роли на процессе: «Четверо адвокатов тихо, но оживленно разговаривали с подсудимыми, все они двигались сильно, быстро и напоминали собой больших, черных птиц» [5, с. 276]. Очевидно, что образно подмеченное Горьким внешнее сходство адвокатов с «большими черными птицами» было связано, наряду с его богатым писательским воображением, также и с черными форменными фраками присяжных поверенных, в которые они были одеты.

Так, кто же на самом деле эти «большие, черные птицы»? У подзащитного П. А. Заломова на их счет было свое пролетарское мнение: «Исключительное внимание со стороны знаменитых адвокатов меня несколько не обманывало, – писал много лет спустя бдительный знаменосец. – Я крепко помнил “урок” студента Кузнецова, относил защитников и судей к одной социальной группе и знал, что защитники с легкостью могут превратиться в наших судей, прокуроров. Я не забыл, что мы, рабочие, являемся для них средством для осуществления их собственных целей. Они хотели, чтобы мы, рабочие, «подсадили их на первый сук каштана», а мы хотели революции» [6, с. 99].

Действительно, зачем нужны по логике революционера адвокаты? Правозащитники не вписывались в стратегическую дислокацию боевых порядков непримиримых радикалов, для которых не было законов, а был только враг – монархия и ее «служители» – жандармы, прокуроры, судьи и, как ни странно, в этот список попали и адвокаты. Защитники работали в правовом поле и по законам царского режима и они были, по мнению Заломова и К°, частью этого режима. «Здесь нет преступников, нет судей <...> здесь только пленные и победители...» – недвусмысленно выразил позицию подсудимых Петр Заломов [5, с. 275].

Между тем осознание того, что высокопрофессиональные московские адвокаты, живо и безвозмездно откликнувшиеся на просьбу Горького о защите подсудимых революционных горлопанов, остались запечатлены на страницах его романа всего лишь как «большие черные птицы». Очевидно, что писатель с годами все более остро осознавал, что он незаслуженно обошел вниманием участие и роль адвокатов на «заломовском» процессе. Думается, что понимание этого упущения наряду с другими самокритичными оценками произведения привели Горького к однозначному

выводу: «Я думаю, что моя книга мне не удалась. Она хаотична, лишена внутренней гармонии, сделана с очевидной небрежностью и без должного уважения к стилю» [7, с. 479]. Причину того, что книга, по его мнению, получилась плохая писатель видел в ее явной идеологической мотивированности. Он признавался, что написана она была «в состоянии запальчивости и раздражения, с намерениями агитационными, после 906 года» [7, с. 479]. И еще один важный самокритичный пассаж: «Мать» – вещь неудачная, не только внешне, потому что длинно, скучно и небрежно написана, но, главное – она недостаточно демократична...» [7, с. 480]. Самоупрёк писателя в недостаточной демократичности романа, на мой взгляд, как раз и подтверждает его сожаление о том, что он объективно и всесторонне не отобразил, в частности, всех участников судебного процесса и, прежде всего, личности адвокатов. Впоследствии Горький, очевидно, понял, что талантливые «младоадвокаты» не только, безусловно, заслуживали этого как персонажи художественного произведения, но и были весьма интересны как личности и как видные деятели общественно-политической жизни поздней имперской России.

В конце 20-х гг. прошлого века М. Горький приступил к созданию своего главного, как он считал, литературного произведения. Задумав написать «нечто» «прощальное некий роман-хронике сорока лет русской жизни...» [8, с. 464], он избрал героем своего повествования типичного русского интеллигента, личная судьба которого оказалась органично вкраплена в судьбу России переломной эпохи. Так появился на свет роман «Жизнь Клим Самгина». И. А. Груздев – биограф и исследователь творчества Горького, размышляя об этом романе в связи с книгой В. Поссе «Мой жизненный путь», высказал предположение, что «В Самгине есть какая-то частица и Поссе, и Амфитеатрова, и Ляцкого, по-видимому, многих-многих Ваших современников» [цит. по: 9, с. 56]. В ответном письме писатель подтвердил догадку Груздева относительно Поссе и уточнил: «Есть в Самгине и частица Бунина... Василий Алексеев <ич> Маклаков – тоже Самгин» [цит. по: 9, с. 57].

Между тем среди прототипов героя горьковского романа угадываются черты еще одного их современника, друга и соратника Маклакова – Николая Константиновича Муравьева. Думается, что некоторые особенности характера и психологические черты главного героя Горький как раз и «списал», «просчитал» с хорошо знакомого ему лидера «Молодой адвокатуры» – Н. К. Муравьева. Этот выдающийся человек как нельзя лучше подходил к замыслу писателя в изображении главного героя задуманного произведения. Действительно, Муравьев был яркой и самобытной личностью своего времени, и о нем, очевидно, вполне справедливо можно сказать так же, как и о

Климе Самгине, словами Горького, что он «красный цветок, желтые цветы – скучные» [10, с. 56]. В данном случае писатель иллюстрирует характерные черты персонажей своих произведений красками цветовой гаммы символов Серебряного века. Например, красный цвет в произведениях символистов воспринимался и транслировался как символ жизни, чего-то созидательного, необузданной и противоречивой стихии чувств, в то время как желтый цвет у поэтов Серебряного века пронизан настроениями угасания и чаще всего связан с эстетикой печали и грусти, вызванной увяданием, старением. Именно поэтому «нескучные», деятельные и самобытные личности становятся героями горьковского повествования.

Горькому важно показать процесс становления и формирования своего героя. На страницах романа гимназический период жизни Клим Самгина приобретает особое звучание. Здесь писатель вырисовывает его особость, показывает, как уже в ранние годы в характере и поступках Клим протупает красный цвет: сверстники «смотрели на него с любопытством, как на чужого <...> Клим догадывался, что они завидуют его славе, – славе мальчика исключительных способностей» [10 с. 56]. Обращая внимание на выдающиеся способности своего героя, писатель отмечает, что подобная репутация юноши «вызывала обостренное и недоверчивое внимание учителей и любопытство учеников» [10, с. 45]. Между тем те же самые особенности мы наблюдаем и в гимназисте Николае Муравьеве: «С первого дня в гимназии он стал отделяться от нас совершенно всем, – вспоминал его одноклассник П. И. Корженевский. – И он прошел всю гимназию первым учеником <...> его знания были абсолютны, его изложение предмета во многих случаях было выше некоторых наших Млинаричей, Збраславских (преподаватели гимназии. – Ю. В.)» [11, л. 23]. При этом соученики Муравьева по гимназии «чувствовали, что он не ихний, что он скорее нужный нам свидетель всего, что было гнусного с “их” стороны, а себя мы, конечно, считали правыми, даже в незнании» [10 с. 56]. А вот как Максим Горький изобразил в своем произведении гимназиста Клим Самгина: «Он ходил солидной походкой, заложив руки за спину <...> имея вид мальчика, который занят чем-то очень серьезным» [10, с. 45]. Таким же не по годам серьезным, обладающим высокой степенью внутренней независимости был и гимназист Муравьев: «Ясно, что мы в большинстве были чужды ему, – констатировал П. И. Корженевский. – Двух станов гость случайный, он был далек от нас и от наших врагов» [11, л. 23]. Однако при всем при этом и вымышленный персонаж Клим Самгин, и реальный Николай Муравьев в юности отличались хорошими манерами и были подчеркнута вежливы. Так, например, Клим

Самгин «подкупал учителей благовоспитанностью и благонаравием» [10, с. 45], а Муравьев запомнился соученикам по гимназии как человек, поведение которого «было до презрения изысканным» [11, л. 24].

Даже во внешности героя романа и известного московского адвоката мы наблюдаем сходные черты. «Клим Самгин был стройным юношей среднего роста, – описывает его Горький, – говорил не много, стараясь выражать свои мысли точно и просто, подчеркивая слова умеренными жестами очень белых рук с длинными кистями и тонкими пальцами музыканта. Его суховатое, остроносое лицо украшали дымчатого цвета очки, прикрывая недоверчивый блеск голубоватых, холодных глаз» [10, с. 67]. А вот каким запомнился одноклассникам по 1-й Московской гимназии Николай Муравьев: «Он был блондин с голубыми глазами <...> с прекрасной фигурой <...> с мягкими жестами. Среди нашей безалаберной братии он был совсем иной, казалось, он жеманничал» [11, л. 26]. Однако для Муравьева, как оказалось, «гимназия была эпизод, а жизнь уже имела свое широкое и захватывающее дело» [11, л. 28]. «Замечателен он был тем, что открыл Америку. Не ту Америку, которую открыл Колумб, а другую. Именно он первый открыл себя <...> Да, он первый открыл себя, и как это не странно, но это было так» [11, л. 2]. Очевидно, что это «открытие» человека с его глубиной и разносторонностью очень важно и для Горького. В романе он стремится показать Клима Самгина как человека с неординарным мышлением и широтой мировоззрения. «Струна разума его настроена благозвучно и высоко, – подчеркивает писатель. – Особенно же ценно в нем осторожное и скептическое отношение к тем пустякам, коими наше юношество столь склонно увлекаться во вред себе» [10, с. 67].

Горький психологически тонко передает любовные переживания Клима Самгина. На страницах романа переливается всеми красками и никак не может сложиться в единое целое мозаика мыслей и чувств главного героя. «Может я вовсе и не влюблен, а незаметно для себя поддался атмосфере влюбленности и выдумал все, что чувствую?» [10, с. 101], – задается трудноразрешимым вопросом Клим. Произошло то, к чему, очевидно, он не был готов со своим рациональным и взвешенным восприятием окружающего мира. В стройные ряды его размышлений о себе «вторглась странная девушка и властно заставляла думать о ней, а это было трудно. Она не поддавалась его стремлению понять смысл игры ее чувств и мыслей. А необходимо, чтоб она и все люди были понятны, как цифры» [10, с. 131]. Однако в его душе очень скоро наступает отрезвление от хмельных чар любви. «Мужчина должен поглощать женщину так, что все тайные думы ее и ощущения ее полностью передавались ему», решает он для

себя [12, с. 230] и делает вывод, что «в сущности, она несчастная <...> Пустоцвет. Бездушна она. Умствует, но не чувствует» [12, с. 405]. После этого Клим почувствовал «легкий приступ презрения к Лидии. Это очень утешило его. Он заснул с уверенностью, что узел, связывавший его с Лидией, развязался» [12, с. 331]. Подобная любовная драма произошла и в молодые годы Василия Маклакова. В 1901–1902 гг. талантливый и популярный московский адвокат пережил бурный роман с красавицей-актрисой Марией Андреевой (М. Ф. Желябужской). Их сохранившаяся переписка через пожелтевшие страницы писем передает нешуточный накал страстей, бушевавших в сердцах [13]. Однако ярко вспыхнувшая страсть очень скоро превратилась в пепел любви, а место Маклакова в жизни артистки надолго и уверенно занял Максим Горький, легко потеснивший при этом страстно влюбленного в Андрееву миллионера-мецената Савву Морозова. Маклаков же до конца своих дней так и не женился, хотя в его жизни всегда было место для настоящей любви. Для себя, как видно, он вывел ту же формулу любви, что и Клим Самгин: «Счастье с женщиной возможно лишь при условии полной искренности духовного общения» [12, с. 239], но такой женщины, судя по всему, В. А. Маклаков так и не встретил.

В изображении профессиональных качеств Клима Самгина как адвоката Горький постарался отобразить, на его взгляд, самые существенные. Среди них он выделял способность Самгина «искусно ставить свое мнение между да и нет, и это укрепляло за ним репутацию человека, который умеет думать независимо, жить на средства своего ума» [10, с. 69]. При этом его герой «отсеивал непонятное, неяркое, как шелуху, бережно сохраняя в памяти наиболее крупные зерна разных мудростей, чтоб при случае, воспользоваться ими» [10, с. 72]. А «зерна разных мудростей», как известно, в ораторском искусстве адвоката всегда востребованы и актуальны. Писатель, очевидно, беря во внимание деятельность своих знакомых адвокатов Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова, однозначно заявлял амплуа присяжного поверенного Клима Самгина, который «не представлял себя адвокатом, произнося речи в защиту убийц, поджигателей, мошенников» [10, с. 122]. Действительно, и Маклаков, и Муравьев также не позиционировали себя в роли защитников по общеуголовным делам, а стали пионерами нового направления русской адвокатуры Серебряного века – политической защиты рабочих, крестьян и деятелей оппозиционных движений России в конце XIX – начале XX в. Этот профессиональный выбор, по словам Н. К. Муравьева, стал ответом на «социальный заказ, предъявленный к тогдашней адвокатуры новыми, выдвинувшимися тогда на авансцену истории общественными слоями рабочих и крестьянской массы» [4, с. 15]

Думается, что художественная интерпретация характерных образов адвокатов Серебряного века – современников Максима Горького, запечатленная на страницах его произведений «Мать» и «Жизнь Клима Самгина», является оригинальным, вспомогательным историко-психологическим источником в реконструкции деловых качеств, внутреннего мира, жизненных позиций и душевных переживаний реальных акторов общественной и политической жизни поздней имперской России, лидеров неформального объединения политической защиты «Молодая адвокатура» Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова.

Список литературы

1. Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы : 1866–1904 гг. Тула : Автограф, 2000. 456 с.
2. Щенников Г. К. Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // Русская литература 1870–1890-х годов. Сб. 4 / отв. ред. И. А. Дергачев. Свердловск : [б. и.], 1971 (Учен. зап. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького ; № 121. Сер. филол. ; вып. 19). С. 3–23.
3. Нижегородское окружение А. М. Горького. 1889–1904. Библиографический справочник / под ред. Л. М. Фарбера ; сост. В. Н. Блохина, Э. И. Зеленева, Е. Н. Олех, В. М. Райковская, В. Е. Успенская, Л. М. Фарбер. Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1968. 176 с.
4. «Стой в завете своём...» : Николай Константинович Муравьев адвокат и общественный деятель : воспоминания, документы, материалы / сост., авторство некоторых разделов и примечаний Т. А. Угримовой. М. : ООО «АМА-Пресс», 2004. 343 с.
5. Горький М. Собрание сочинений : в 18 т. М. : Гослитиздат, 1960. Т. 4. 424 с.
6. Заломов П. А. Воспоминания. Горький : Горьковское областное издательство, 1947. 116 с.
7. Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. М. : Наука, 1970. Т. 8. 508 с.
8. Летопись жизни и творчества А. М. Горького : в 4 вып. М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. Вып. 2. 623 с.
9. Литературное наследство. Т. 95 : Горький и русская журналистика начала XX века : неизданная переписка / отв. ред. И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина. М. : Наука, 1988. 1079 с.
10. Горький А. М. Собрание сочинений : в 18 т. М. : Гослитиздат, 1962. Т. 12. 424 с.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 436 (Корженевский Петр Иванович). Оп. 1. Д. 9. 5.
12. Горький А. М. Собрание сочинений : в 18 т. М. : Гослитиздат, 1962. Т. 13. 503 с.
13. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 31 (Маклаков Василий Алексеевич). Оп. 1. Д. 5.

Поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022